

2. Аристотель. Риторика // Античные риторика. Кн. 1. – М., МГУ, 1978. – С. 15–164.
3. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. № 2 (65), 2008. – С. 135–158.

«ПИСЬМО О ГУМАНИЗМЕ» М.ХАЙДЕГГЕРА: ОНТОЛОГИЯ И ПОЭТИКА

Козырев Д. Н.

*Кандидат философских наук, доцент
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА МЮ РФ)
(Санкт-Петербург, Россия)*

УДК 101

В работе предлагается взгляд на новоевропейский гуманизм как на мировоззрение, принципиально не совместимое с технократизмом. Рассматривается место экзистенциального гуманизма Хайдеггера в этической традиции и подчёркивается его связь с фундаментальной онтологией.

Ключевые слова: гуманизм, технократизм, экзистенциальная антропология, поэтика, близость к бытию, онтология.

“LETTER ON HUMANISM” BY M. HEIDEGGER: ONTOLOGY AND POETICS

Kozyrev D. N.

*Candidate of philosophy, associate Professor
Russian state University of justice (RPA of the Ministry of justice of the Russian Federation).
(Saint Petersburg, Russia)*

The paper suggests a view of new European humanism as a worldview that is fundamentally incompatible with technocratism. The article considers the place of Heidegger's existential humanism in the ethical tradition and emphasizes its connection with fundamental ontology.

Keywords: humanism, technocratism, existential anthropology, poetics, proximity to being, ontology.

Человек есть существо этическое, и древняя оппозиция добра и зла образует стержень философских раздумий о мире. Стиль мышления определённой эпохи вносит в них свои коррективы; так, в наши дни положительный полюс прочно связывается с гуманизмом как апологией человечности и конкретными действиями в её защиту. Однако познание сути этого культурного феномена затрудняется семантической неоднородностью, изначально встроенной в это звучное слово. Неясность порождает недоразумения. С одной стороны, появляются пустые понятия (такие, как «классовый гуманизм», «экологический гуманизм»). С другой – провоцируется конфликт между религиозным мировоззрением как традиционным хранителем ценностей и «гуманизмом», понимаемым как знамя атеистического натурализма.

Хронологически рождение гуманизма соотносится с ренессансным обращением к античному наследию, однако содержащаяся в нём могучая и властная энергетика явно не вмещается в берега гармоничного греческого космоцентризма. Так, духовному лидеру Северного Возрождения кардиналу Николаю Кузанскому принадлежат слова «человек измеряет свой разум способностью творить». В трактате «Берилл» философ обращается к герметической традиции и извлекает из её недр дерзкий тезис «человек есть второй бог» (очевидно, им допускалась возможность согласования этой мысли с догматом о боговоплощении). В знаменитом афоризме Протагора («человек есть мера всех вещей») мыслитель видит ключ к раскрытию нового смыслового пространства. «Человек обнаруживает в себе как в измеряющем основании все сотворенное» [1, с. 99]; так тезис

знаменитого софиста из релятивистской декларации становится девизом, утверждающим новую формулу бытия и возвышающим субъективную реальность до уровня первого начала (которое, согласно кардиналу, является «царём всего»).

Согласно этой формуле, ничто природное не может быть мерой человеческого; человек сам себе мерило и норма. История идей свидетельствует об ожесточённом сопротивлении этому последовательному гуманистическому принципу. Отрицание может принимать разнообразные формы, но в итоге стягивается к единому комплексу взглядов. Полюсом противостояния человечности выступает технократизм – мировоззрение, которое исходит из принципа конгруэнтности двух мегаструктур (социума и физического мира). Оптимальной мерой отношений между людьми технократизм признаёт отношения между вещами; свободная воля оказывается угнётённой двойной необходимостью и оценивается как досадный деструктивный фактор. Технократизм, таким образом, становится крайней формой бессубъектного мировоззрения [3, с. 80].

Гуманистический подход видит в этой системе взглядов радикальное заблуждение; человек не должен оцениваться по функциональным критериям нужности и полезности. В противостоянии мертвящему человекоотрицающему началу рождается важнейшая для новоевропейской этики идея возвышения моральной сферы над утилитарными задачами. Так, для Канта неприкосновенность внутреннего мира автономного субъекта предстаёт неоспоримой и безусловной; личность как цель сама по себе обретает по существу сакральный статус.

Продолжением этой традиции следует считать экзистенциальную антропологию М. Хайдеггера, изложенную в знаменитом «Письме о гуманизме», вышедшем в 1946 году. Текст работы насыщен богатством смысловых аллюзий; утверждение собственной оригинальной линии сопровождается критикой объективирующего гуманизма, который он называет «метафизическим». Речь идёт о гуманизме, в котором человек признаётся достойной частью некоей объёмлющей объективной среды («сущего»). С точки зрения философа, любой панегирик такого рода не отвечает в полной мере истинному достоинству человека.

Экзистенциальный гуманизм Хайдеггера определяется им как «гуманизм, мыслящий человечность человека из близости к бытию» [2, с. 236]. Германский мыслитель выражает решительное недоверие к «измам»; гуманизм для него – это не комплекс идей, а созерцание и раскрытие потаённого. Открытость бытию становится у философа основой для понимания человеческой идентичности (мир вещей, напротив, пронизан силой бытия, но закрыт и самозамкнут).

Постижение сути человеческого для Хайдеггера есть в то же самое время возвышение к своего рода метаусловию существования мировой тотальности - всего, что обладает качеством и формой. Это возвышение есть движение от обусловленного к тайне обусловливающего. Здесь уместно говорить о своего рода «приключении сознания», при котором мысль вплотную подходит к исчерпанию рациональности и соприкасается с мистическим опытом. Истина, посылаемая бытием, открывает простор, где «свобода хранит своё существо»; однако для вхождения в этот простор необходимо обновление разума, при котором метафизика усиливается поэтикой.

Рационально-логическое постижение мира органически связано с «выпаданием» мысли на чужеродное постигающему субъекту пространство сущего. Однако связь понятий схватывается мыслью лишь в перспективе единства, создаваемого надпонятийной мысленной тканью. Так возникает особый экзистенциально-онтологический стиль мышления; следует отметить, что иррационализм Хайдеггера не имеет ничего общего с воспеванием инстинктивной «жизненной силы». Речь идёт о попытке создания особой рефлексивно-поэтической рациональности. «Бытие принципиально шире, чем всё сущее»; поэтому постижение его целостности возможно только через «осмысляющее раздумье» [4, с. 104], опасность утери которого философ связывал с грозной поступью технической эпохи. Уклонение мысли от своей онтологической стихии («забвение бытия») философом воспринималось как антропологическая катастрофа.

Хайдеггер говорит о бытии как о «тихой силе» возможного. Этот аспект его онтологической концепции легко проецируется на антропологическую плоскость и создаёт реальную альтернативу актуалистическим схемам, в которых достоинство человека определяется исключительно суммой достигнутого. Таким образом, попытка экзистенциального переосмысления гуманизма позволяет, говоря словами Платона, «обратить глаза внутрь», встретиться с собственной человечностью и открыть в другой личности невыразимую глубину субъективной реальности.

Список литературы

1. Кузанский Н. Берилл // Собр.соч. в 2-х томах. –М., 1980. Т.2 – С. 95–133.
2. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. – М., Прогресс, 1988 – С. 314–356
3. Козырев Д.Н. Век техники – век инструментального разума. – СПб, 2013. – 172 с.
4. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. – М., 1991. – 192 с.

ТАРО В РОССИИ КАК ФИЛОСОФСКАЯ СИСТЕМА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кузнецова-Фетисова Л. Е.

Аспирант 3 курса,

*Российский государственный социальный университет
(Москва, Россия)*

УДК 141.33

В статье рассматривается история возникновения и развития в России так называемого оккультно-философского направления таро. За период менее двух десятилетий в России появилось несколько ярких его представителей, были созданы произведения, оказывающие влияние на последователей этой традиции и по сей день. Также, несмотря на искусственно созданные условия изоляции и запрет на изучение таро, Россия всего за 30 лет пришла в этой области к тем же результатам, что и западные страны, где подобных ограничений не было.

Ключевые слова: Таро, философия таро, оккультное таро, нью-эйдж, гадание на таро, современная Россия

TAROT IN RUSSIA AS A PHILOSOPHICAL SYSTEM: TRADITIONS AND MODERNITY

Kuznetsova-Fetisova L. E.

3-year postgraduate student,

*Russian State Social University
Moscow, Russia*

The article discusses the history of the emergence and development of the so-called occult and philosophical direction of tarot in Russia. For a period of less than two decades, several prominent representatives appeared in Russia, who created works that have an impact on the followers of this tradition to this day. Also, despite the artificially created conditions of isolation and the ban on the study of tarot, in just 30 years Russia has come to the same results in this area as Western countries, where there were no such restrictions.

Keywords: Tarot, philosophy of tarot, occult tarot, new age, tarot divination, modern Russia